

7. Наливайко Н. В., Ушакова Е. В. Философский анализ системы образования в трансформирующихся обществах // Философия образования. – 2009. – № 1(26). – С. 26–35.
8. Лапуга В. Ф. Формы и методы сетевого взаимодействия школ здоровья Алтайского края. – URL : http://www.akipkro.ru/hsch/lopuga_set.htm
8. Жуковицкая Н. Н. Модели сетевого взаимодействия образовательных учреждений в региональной образовательной системе // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2008. – № 33 – Ч. 1. – С. 205–209.
9. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. – Новосибирск : Наука, 2002. – 275 с.

УДК 13 + 316.3/4

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ГЕНЕЗИСА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СЕТЕВЫХ СТРУКТУР*

И. А. Вальдман (Новосибирск), Т. В. Каукунова (Алматы)

Социальный капитал как ключевая характеристика содержательного поля сетевых структур все чаще определяется в качестве одного из базовых ресурсов, определяющих возможности и положение индивидов в современном обществе. В настоящей статье рассмотрена роль образования в формировании и функционировании социального капитала, представлен обзор эволюции данного понятия. Для выявления базовых корреляций авторами используются концепты символического капитала и символической власти П. Бурдьё. Образование рассматривается, с одной стороны, как фактор роста символической власти для индивида, а с другой – как фактор формирования сетевых структур, нередко выступающих в качестве агентов символической власти.

Ключевые слова: сетевые структуры, сетевое общество, образование, социальный капитал, символический капитал, символическая власть.

* Статья выполнена при поддержке проекта № 2.1.3/ 4541 «Феномен сетевых структур в обществе: конструирование социальной реальности и ее теоретических образов» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)».

Вальдман Игорь Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-массовых коммуникаций факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: veritasnostra@mail.ru

Каукунова Татьяна Владимировна – соискатель кафедры социально-массовых коммуникаций факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: tkaukenova@yandex.ru

EDUCATION AS A FACTOR OF GENESIS AND OPERATION OF THE SOCIAL CAPITAL OF NETWORK STRUCTURES

I. Valdman (Novosibirsk), *T. Kaukenova* (Almaty)

Social capital as a key characteristic of the substantive field of network structures is increasingly identified as one of the basic resources that determine the capabilities and status of individuals in modern society. This paper examines the role of education in formation and functioning of social capital, the authors give an overview of the evolution of this concept in conjunction with the vision of the role of education as a factor of its formation. To identify the basic correlations, the authors used the concepts of «symbolic capital» and «symbolic power» proposed by Bourdieu. On one hand, education is considered as a factor of growth of symbolic power for the individual, on the other hand, as a factor of formation of network structures, often acting as the agents of symbolic power. The authors consider also some variants of the influence of education on the possible application of social capital.

Key words: *network structures, network society, education, social capital, symbolic capital, symbolic power.*

Сетевые структуры, все чаще рассматриваемые как основообразующая черта современного мироустройства, формируют принципиально новый формат его развития, создавая, по выражению Мануэля Кастельса, «общество сетевых структур». Глобальные социальные структуры, переживая в своем развитии процесс комплексной модернизации, все чаще формируются и функционируют по законам нового типа общественной организации, когда «власть структуры оказывается сильнее структуры власти», а сам факт принадлежности к той или иной сети становится важнейшим источником власти и перемен в обществе. Особенностью современного общества, в трактовке Кастельса, является не столько доминирование знаний и информации, сколько преобразование вариантов их использования, когда ведущую роль в обществе приобретают глобальные сетевые структуры, вытесняющие традиционные формы взаимоотношений [1, с. 494].

Социальные сети могут рассматриваться как структура определенного вида общественных взаимодействий, отличающихся особой распределенностью в пространстве и времени. Такие сети характеризует некое «неплотное» покрытие относительно больших географических и социальных пространств, позволяющее не только поддерживать контакт между отдельными узлами (звеньями), но и оказывать системное воздействие на окружающие социальные контексты [2, с. 142; 3].

Встает вопрос о том, каким образом данные структуры способствуют удовлетворению потребностей и получению выгод для своих членов. Для характеристики содержательного поля сетевых структур чаще всего используется понятие социального капитала. В научном сообществе до сих пор не выработано единой и общепринятой формулы, которая в полной мере отражала бы взаимоотношения этих двух категорий: социальной сети и социального капитала.

Как правило, с помощью понятия «социальный капитал» отображаются выгоды, которые индивиды получают через членство в сети. Включенность в социальную сеть предоставляет индивидам доступ к ресурсам, который отсутствует у людей, не являющихся членами данной сети. Анализ литературы, посвященной изучению социального капитала, свидетельствует о том, что данный концепт в различных исследовательских контекстах рассматривался как доверие в социальных отношениях; как индикатор гражданского участия в рамках добровольных ассоциаций; как социальная ткань, способствующая развитию человеческого капитала; как независимая переменная в производстве человеческого капитала между поколениями и как аспект социальной структуры, способствующей созданию конкретных форм деятельности и сотрудничества.

В любом варианте интерпретации достаточно очевидно, что теоретическое описание сетевых структур внутренне тесно связано с концептом социального капитала. Говоря о подходах к определению социального капитала, необходимо отметить, что большинство исследователей при его рассмотрении уделяют большое внимание фактору образования: и как источнику формирования социального капитала, и как результату его использования в качестве ресурса в рамках сетевых структур.

Даже введение в научный оборот самого понятия «социальный капитал» связано с рассмотрением образовательных процессов. В литературе, посвященной теоретическому осмыслению концепта социального капитала, принято связывать первое научное использование данного термина с именем Л. Дж. Ханифэна, который использовал его в 1916 г. в работе, посвященной местной поддержке сельских школ. Ханифэн пришел к выводу о необходимости воспитания доброй воли, братства, симпатии друг к другу и умения налаживать социальные отношения среди людей, которые «образуют социальную единицу».

Эта точка отчета в истории концепции социального капитала была предложена Робертом Патнэмом и в настоящее время рассматривается большинством исследователей как очевидная и не подлежащая сомнению. Тем не менее в 2004 г. Джеймс Фарр, изучая историю концепта социального капитала, выявил, что Ханифэн позаимствовал этот термин у Джона Дьюи, который, по мнению Фарра, и является пионером в разработке данного понятия. Как отмечает Фарр, термин «социальный капитал» в начале XX в. использовался гораздо шире, чем представлялось Патнэму. Дьюи использовал данный термин для иллюстрации и разработки идеи совместной деятельности по созданию общих связей (симпатии и сотрудничества), которые были бы ресурсом для членов сообщества [4, р. 10].

Как и Ханифэн, Дьюи уделял первостепенное внимание роли образования в процессе формирования социального капитала. Он интересовался прежде всего отношениями школы и общества и ролью образования, которое призвано освободить, а не сковывать социальный капитал [5, р. 14].

До 1980-х гг. роль образования в изучении социального капитала специально не освещалась – в этот период образование более всего связывалось с формированием человеческого, а не социального капитала. Более систематическое изучение различных видов капитала, а также полноценное введение понятия «социальный капитал» в научный оборот принадле-

жит Пьеру Бурдьё. В работе «Формы капитала» он различает три вида капитала: экономический, культурный и социальный. В обобщающей статье «Социальный капитал: его истоки и применение в современной социологии» А. Портес отмечает, что П. Бурдьё провел первый систематический анализ социального капитала и определил его как «совокупность фактических или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сети более или менее институционализированных отношений взаимных обязательств и признаний». А. Портес считает, что трактовка социального капитала, используемая П. Бурдьё, является инструментальной по сути: «он сосредотачивается на преимуществах для обладателей социального капитала» и на «преднамеренном выстраивании коммуникации с целью создания данного ресурса» [5, р. 3]. Другим исследователем, внесшим существенный вклад в развитие теории социального капитала, считается Джеймс Коулман. Он определяет социальный капитал как «множество разных сущностей, имеющих две общие характеристики: все они содержат в себе тот или иной элемент социальной структуры, и все они усиливают определенные действия людей, находящихся в этой структуре <...> То есть социальный капитал – это все, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, порождаемые сетью отношений, взаимностью, доверием и социальными нормами» [6, S. 98]. Коулман указывает, что «в отличие от других форм капитала, социальный капитал принадлежит структуре отношений между субъектами и среди субъектов. Он не существует в отдельных субъектах или в физических орудиях производства» [6, S. 99]. Коулман выделяет три ключевых аспекта социального капитала: обязательства и ожидания (которые зависят от надежности социальной среды), возможности информационной проводимости социальной структуры и наличие норм, сопровождающееся санкциями.

Большой интерес вызвала в свое время концепция американского исследователя Роберта Патнэма. В статье, посвященной изучению влияния сокращения добровольных неформальных ассоциаций на снижение социального капитала в современных Соединенных Штатах, он определил социальный капитал как «особенности социальной организации, такие как сети, нормы и общественное доверие, которые способствуют координации и объединению для общей выгоды» [7, р. 67].

Особое внимание концепту социального капитала уделяется в рамках деятельности Всемирного банка. В документах проекта Social Capital Initiative (SCI), публикуемых под эгидой Департамента социального развития Всемирного банка, выдвигаются три уровня понимания социального капитала: микро-, мезо- и макроуровни. По мнению исследователей SCI, трактовка понятия социального капитала на микроуровне более всего присуща работам Патнэма, который анализирует социальный капитал как продукт взаимоотношений между индивидами. Работы Д. Коулмана выполнены в рамках концепции социального капитала на мезоуровне. По мнению специалистов SCI, он расширяет понимание социального капитала за счет рассмотрения отношений и объединений не столько индивидов, сколько групп и социальных структур. Третий и наиболее общий взгляд на понятие социального капитала объединяет социальные и политические

условия, которые формируют социальную структуру и позволяют развиваться нормам. Это, с точки зрения SCI, макроуровень восприятия социального капитала.

Рассматривая фактор образования в формировании и функционировании социального капитала сетевых структур, целесообразно еще раз обратиться к работам П. Бурдье и дополнить представленные точки зрения понятием символического капитала. Согласно концепции П. Бурдье, экономический, социальный или культурный капитал переходит в капитал символический, приобретая известность, признание и престижность. При определенных условиях символический капитал обратим (конвертируем) в другой тип капитала. Таким образом, образование, формально относясь к факторам формирования культурного капитала, имеет все возможности стать фактором увеличения капитала символического и, следовательно, при определенных обстоятельствах перейти к детерминантам уровня капитала социального. Так, в работе «Социальное пространство и символическая власть» П. Бурдье отмечает, что диплом, как свидетельство легитимизации полученного образования в рамках социума, «является универсально признанным и гарантированным видом символического капитала, действующим на любом рынке. В качестве некой официальной идентичности диплом как бы освобождает своего обладателя от символической борьбы всех против всех, предписывая ему общепринятую перспективу» [8, с. 147].

С понятием символического капитала тесно связано понятие символической власти, также предложенное П. Бурдье. Он описывает символическую власть как способность формировать или изменять категории восприятия и оценки социального мира, которые в свою очередь могут оказывать непосредственное влияние на его организацию. Для данного исследования принципиально важным является значение, которое, по мнению П. Бурдье, имеет символический капитал для доступа к получению символической власти. Образование, как одна из ключевых институций, официально устанавливающих и обеспечивающих определенные схемы восприятия действительности, является одним из ключевых механизмов реализации символической власти. И, как отмечает П. Бурдье, «обладатели большого символического капитала – *pobles*, то есть этимологически, тот, кто известен и признан, способны навязать свою шкалу ценностей» посредством обладания квазимонополией на управление образовательной системой [8, с. 147].

В современном обществе в условиях качественной трансформации принципов социальной организации и непрерывного роста значения сетевых структур концепция символической власти П. Бурдье получает новое наполнение. Образование, с одной стороны, влияет на уровень общественного признания, что повышает возможности для реализации символической власти, а с другой – сетевые структуры, формируемые на основе образовательных факторов, сами по себе могут быть агентами символической власти. Эта способность определяется в том числе уровнем социального капитала, присущего данным структурам и акторам, включенным в эти структуры, и соответственно, уровнем символического капитала,

Раздел I. Сетевые структуры в модернизации общества и системы образования

детерминированного сочетанием общественно значимых экономических, культурных и социальных ресурсов сетевых структур.

Кроме того, сама сеть является обладателем локальной символической власти по отношению к индивидам, входящим в нее. Соотнося действия и предпочтения индивидов с собственной шкалой ценностей, сетевые структуры, в частности, выполняют селективную функцию по отношению к привносимому извне социальному капиталу. Иными словами, сеть выступает как фильтр по отношению к ценностям и нормам, внешним по отношению к ней. Так, Уолкер и Рили, исследуя взаимосвязь участия родителей в родительских образовательных программах и влияние их социальных сетей на отношение к информации, получаемой в рамках данного обучения, отмечают, что эти знания принимались или отвергались индивидами в основном «в ходе обсуждения внутри социальных сетей участников программы» [9, p. 186]. Таким образом, через сеть осуществляется контроль приобретаемой индивидом информации и происходит отбор знаний с точки зрения значимости в данной сети.

Существует прямая связь между уровнем образования и показателями социального капитала. Так, российский исследователь А. Н. Красилова, представляя итоги масштабного исследования уровня социального капитала в российском обществе, включает образование в число ключевых переменных, определяющих уровень социального капитала. По результатам проведенного исследования автор показывает, что «максимальный уровень социального капитала отмечается у россиян с незаконченным высшим и высшим образованием, минимальный – у людей с профессиональной квалификацией, не получивших среднего образования» [10, с. 167]. Несмотря на данный вывод, автор впоследствии делает оговорку, что в выделенной ею категории россиян, не обладающих никаким социальным капиталом, образовательный уровень был не ниже, чем «в среднем по России, то есть высокий уровень образования не гарантирует, что человек будет включен в социальные сети» [10, с. 174].

Эти заключения вызывают некоторые сомнения, так как, во-первых, полностью отрицать наличие у человека социального капитала – значит делать однозначный вывод об отсутствии у него социальных отношений как таковых и, более того, отсутствии капитала символического, который может быть впоследствии конвертирован в социальный капитал. Во-вторых, получение определенного образования автоматически дает индивиду возможность входа в те или иные профессиональные сетевые структуры и предоставляет ему соответствующий социальный капитал, даже если эта включенность не является очевидной с точки зрения каких-либо конкретных пространственно-временных характеристик.

Уровень и качество образования во многом определяют особенности сетевых структур, в которые включен индивид. Это, в свою очередь, влияет на доступ к возможностям увеличения социального капитала и, соответственно, его практического использования. Джеймс Эллиот, рассматривая способы получения работы городскими рабочими с низким уровнем образования, делает вывод о том, что для данной категории населения наиболее вероятным способом получения информации, а также доступа к

получению работы является вовлеченность в неформальные социальные сети и, соответственно, использование их социального капитала [11, р. 206]. Отрицательный эффект такой замкнутости на ресурсы собственной сети состоит в отмечаемом Эллиотом игнорировании официальных источников информации, что существенно снижает шансы на получение работы у данной категории населения по сравнению с рабочими с более высоким уровнем образования, использовавшими различные способы поиска вакансий. Таким образом, низкий уровень образования является ограничителем путей прироста социального капитала индивида посредством влияния на количество сетевых структур, в которые он включен, а также в связи с большей зависимостью от информации, которую можно получить, используя лишь социальный капитал собственной сети.

Вышеприведенные корреляции показывают значительный уровень взаимозависимости образования и особенностей генезиса и функционирования социального капитала, формируемого в рамках сетевых структур. Учитывая процессы, определяющие развитие современного общества, и растущее значение изучения механизмов влияния сетей на все сферы жизни социумов, выявление подобных корреляций представляется крайне важным как для понимания процессов в социальной и политической сферах, так и для оптимизации образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кастельс М.** Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.
2. **Valdman I. A.** The network structures: virtualization and adaptation in modern society // *Философия образования*. – Спец. вып. – 2009. – № 2. – С. 141–146.
3. **Вальдман И. А.** Инновационная деятельность и возможность преодоления имитационной парадигмы // *Философия образования*. – 2009. – № 1(26). – С. 44–51.
4. **Farr J.** Social Capital: A Conceptual History // *Political Theory*. – 2004. – Vol. 32, N 1. – P. 6–33.
5. **Portes A.** Social Capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – N 24. – P. 1–24.
6. **Coleman J.** Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology Supplement*. – 1988. – N 94. – P. 95–120.
7. **Putnam R.** Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. – 1995. – N 1, Jan. – P. 65–78.
8. **Бурдье П.** Социальное пространство и символическая власть // *THESIS*. – 1993. – Вып. 2. – С. 136–150.
9. **Walker S., Riley D.** Involvement of the Personal Social Network as a Factor in Parent Education Effectiveness // *Family Relations*. – Vol. 50, N 2. – P. 186–193.
10. **Красилова А. Н.** Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // *Мир России*. – 2007. – Т. XVI, № 4. – С. 160–180.
11. **Elliott J. R.** Social Isolation and Labor Market Insulation: Network and Neighborhood Effects on Less-Educated Urban Workers // *The Sociological Quarterly*. – 1999. – Vol. 40. – N 2. – P. 199–219.